
 реальные истории
из жизни современных
писателей

КАК Я ИЗМЕНИЛ СВОЮ ЖИЗНЬ К ЛУЧШЕМУ

Москва
2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К16

Художественное оформление серии П. Петрова

Как я изменил свою жизнь к лучшему : сборник. – Москва : Издательство «Э», 2015. – 640 с.– (Перемены к лучшему).

ISBN 978-5-699-84239-1

Авторы этой книги – Игорь Губерман, Дарья Донцова, Лариса Рубальская, Андрей Геласимов, Дмитрий Емец, Мария Метлицкая, Татьяна Веденская, Сергей Литвинов и многие другие успешные люди – личности, чей путь, казалось бы, всегда был освещен солнцем. Глядя на них, сложно представить, что их дорога была терниста, что и в их жизни были поражения и удача давалась им, так же, как нам, далеко не с первого раза. В этом сборнике любимые писатели рассказывают жизнеутверждающие истории из своей жизни и делятся с нами личными рецептами преодоления трудностей.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алюшина Т., Ануфриева М.,
Борисова А., Бочков В., Веденская Т.,
Вернер Е., Геласимов А., Дезомбре Д.,
Донцова Д., Емец Д., Злотников С.,
Калинина Н., Карпович О.,
Корсакова Т., Крюкова Е.,
Литвинов С., Машкова Д.,
Мелихов А., Метлицкая М.,
Муравьева И., Нестерина Е.,
Попов Е., Райт Л., Рубальская Л.,
Сенчин Р., Снегирев А., Сотников В.,
Староверов А., Чиж А., 2015

© Губерман И., 2009

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-84239-1

ДАРЬЯ ДОНЦОВА

прозаик

Дарья Донцова сама научилась читать в четыре года, а свой первый рассказ написала в семь лет и отнесла его писателю Валентину Катаеву, ближайшему другу своего отца. Тетрадку с текстом, который поправил Катаев, Дарья хранит до сих пор. Но несмотря на столь раннее желание сочинять истории, первая книга Дарьи увидела свет, когда Донцовой исполнилось сорок пять лет. Она считает себя очень счастливым человеком, потому что счастье – это не какое-то одно глобальное событие, счастье с нами каждый день. Оно в улыбке вашего ребенка, в хорошей книге, в людях, которые вас окружают. Счастье внутри человека, в умении понять, что он счастлив каждый день.

НИКОГДА НЕ СДАВАЙСЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первую книгу я написала в реанимации онкологической больницы после четырех операций. А когда меня перевели в общую палату, среди соседок оказалась Зинаида, которая рассказала, как ее спасли кошки. Узнав историю Зины, я подумала, что сдаваться никогда нельзя, что из, казалось бы, безвыходной ситуации всегда найдется выход и что тьма сгущается перед рассветом, ночь закончится, появится солнце. Мой рассказ — это история Зины, но хотя меня не спасали кошки, это и моя история: история женщины, понявшей, что никогда нельзя сдаваться.

Если дважды лил безостановочно дождь и стоял холод, а на третьи сутки рано утром вышло солнце и стало тепло, значит... значит, пришел понедельник.

Зинаида отвернулась к стене. Сотни тысяч людей сейчас вскочили по звуку будильника, глянули в окно и, ругая погоду — которая, отлично зная, когда у народа выходные, старательно портит всем отдых — поспешили умыться. Началась рабочая неделя. В метро, наверное, уже толпа, в маршрутку не сесть, а противный главбух Игорь Михайлович вот-вот займет позицию у входа в свой кабинет. Каждое утро начальник стоит у двери и смотрит на часы. Тем, кто пришел на работу на десять минут раньше, достается его добрая улыбка и слова: «Рад вас видеть», тем, кто явился вовремя — вежливый кивок, а те, кто опоздал хоть на десять секунд, приглашаются в рабочую комнату к шефу и выслушивают от него несколько совсем не ласковых фраз. Увы, Зинаида частенько прибежала последней, она пыталась объяснить вредному начальнику, что живет в отдаленном районе, куда рейсовый автобус не всегда приходит по расписанию, но Игорь Михайлович откашливался и отвечал:

— Вы регулярно приходите позже на десять минут. Если станете выходить из квартиры на четверть часа раньше — придете на службу, когда следует, ну а теперь ступайте исполнять служебные обязанности.

Опустив голову, Зинаида понуро шагала к своему компьютеру, не передать словами, как она ненавидела в этот момент этого отвратительного мужика! Игорь Михайлович не был груб с бухгалтером Федосеевой, но он не выписывал ей премию, не хвалил и заваливал самой трудной работой. Почему Зинаида не меняла службу? Кроме гадкого начальника Зинаиду в офисе устраивало все: милые коллеги, соцпакет, столовая с вкусными обедами, отличная зарплата, которую всегда выплачивали вовремя, путевка в местный пансионат, достающаяся служащим за копейки. Все было просто отлично, все, кроме главбуха. Каждое воскресенье у Зинаиды после обеда резко портилось настроение. Ну вот, завтра понедельник, снова предстоит встреча с этим противным мужиком. Хоть бы за-

болеть на недельку, взять бюллетень и на время забыть об Игоре Михайловиче. Неудивительно, что начальник не женат, кто же захочет связать жизнь с подобным человеком. Да и внешне он совсем не интересен, рост у него, как у Зины, на голове дыбятся невообразимые кудряшки, а уж его одежда! Боже! Где деспот покупает себе такие бесформенные пуловеры? В каком подвале он откопал свой пиджак, смахивающий на вещь из старинного гардероба? Вот бы Зине заболеть на недельку! Вот бы семь дней не видеться с Игорем Михайловичем!

Зинаида погладила кошку Матильду, лежавшую рядом. Не зря говорят: «Бойтесь своих желаний, они могут сбыться». Зимой у Зиночки неожиданно начался кашель, поднялась температура, Федосеева обрадовалась и, предвидя долгожданный отдых, поспешила к врачу, думая, что у нее обычный грипп. Женщина в белом халате оказалась внимательной, она прослушала Зину стетоскопом, а потом отправила ее на флюорографию. Изучив снимок, докторица нахмурилась, велела сдать кучу анализов, потом протянула бумажку и приказала.

— Прямо сейчас ступайте в десятый кабинет на томограф.

— Наверное, надо записаться, — удивилась Зина, — а сколько стоит обследование? Может, без него обойдемся? С деньгами не особо хорошо.

— Алевтина Петровна вам срочное направление выписала, — пояснила медсестра, — платить ничего не надо.

Очень удивленная, но не особо встревоженная поворотом событий Зиночка полежала в «трубе», а потом совершенно счастливая отправилась домой. Слишком заботливая Алевтина Петровна выдала больной освобождение от работы аж на десять дней, а Федосеева рассчитывала максимум на трое суток безделья.

Когда чудесно отдохнувшая Зина пришла закрывать листок нетрудоспособности, врач начала разговор фразой:

— Вы только не волнуйтесь, пришли результаты анализов с расшифровкой компьютерной диагностики.

Сказано это было таким тоном, что Федосеева забеспокоилась.

— Что-то не так?

И тут ей на голову рухнул страшный диагноз: у бухгалтерши опухоль, оперировать поздно, зараза проникла в лёгкие, Зине осталось жить не больше полугода.

— Но у меня ничего не болит, — растерянно произнесла Зина.

— Заболит, — пообещала Алевтина Петровна.

Не успела врач произнести фразу, как у Федосеевой закололо в боку, а из желудка к горлу подступила тошнота.

— Что же теперь делать? — прошептала Зина.

Врач отвела глаза в сторону.

— Сейчас выпишу пару лекарств. Питайтесь правильно, не нервничайте, пока не станет совсем плохо, ходите на работу. У вас есть семья? Супруг, родители?

— Нет, — прошептала Зина, — папа с мамой умерли, замуж пока не вышла. Мне тридцать пять, ещё встречу свою половинку.

— Охо-хо, — вздохнула сидевшая за соседним столом медсестра, — вы не волнуйтесь, когда сляжете, к вам будет приходиться соцработник, государство не бросает одиноких безнадёжных больных.

На следующий день Зина опоздала на службу на полчаса, и когда Игорь Михайлович, красный от гнева, начал: «Это ни в какие ворота не лезет...» — крикнула начальнику: «Мне плевать на ваши нотации, если хотите, увольняйте, все равно умираю!»

А потом, бросив на стол противного дядьки выписку из своей истории болезни, убежала плакать в туалет.

Когда Федосеева вернулась в комнату, её встретила тишина, но через пару минут коллеги кинулись к женщине и начали утешать.

— Ерунда, ты поправишься. Все будет хорошо.

— Нет, — рыдала Зина, — нет. Врач сказала, что в России не помогут, можно попытаться обратиться в клинику Германии, но знаете, сколько там стоит лечение иностранки с моей проблемой?

Когда Федосеева назвала сумму, в комнате опять стало очень тихо. Первой опомнилась Настя Колесникова.

— Глупости! В Москве прекрасные врачи. Зина, нельзя сдаваться! Борись! Иди к другому доктору, ищи специалиста.

Федосеева снова заплакала. Хорошо Анастасии сейчас произносить пустые, ничего не значащие слова. Борись! А как?

Пару недель коллеги старательно заботились о Зине, ей приносили из буфета пирожки, пересаживали к стене, где не дуло от окна, не заваливали работой, а Игорь Михайлович перестал делать подчиненной замечания по поводу опозданий. Но потом все привыкли к мрачному виду Зинаиды, к тому, что она пьёт таблетки, постоянно жалуется, рыдает, и перестали сочувствовать женщине.

Через три месяца после того как офис узнал о тяжёлом состоянии сотрудницы, Настя праздновала день рождения. Колесникова притащила на работу несколько тортов, получила подарки, стала угощать присутствующих чаем, все улыбались, желали Колесниковой счастья и здоровья...

Зина сидела мрачнее тучи, она поковыряла бисквит с кремом, ощутила тошноту и ненависть к Анастасии.

— Зинульчик, — воскликнула именно в этот момент Колесникова, — чего такая грустная?

— Ты забыла, что я умираю? — закричала Зина. — У меня всё болит, еле хожу, голова кружится. Вы тут радуетесь, а я гибну.

Весёлые разговоры стихли, потом Ольга Тимофеева резко произнесла:

— Ну, мы-то не виноваты, что с тобой беда случилась, хотим помочь, но ты не желаешь ничего делать, других врачей не ищешь, не борешься, только

стонешь и жалуешься. У Насти день рождения, неужели нельзя было сегодня удержаться от рассказа о своих болячках?

Зинаида убежала из кабинета, проревела до конца рабочего дня в туалете, потом бросила на стол Георгию Михайловичу заявление об уходе и уехала домой. Никто из коллег не стал уговаривать женщину остаться, ее рассчитали.

Зина осела в квартире, на улицу она выходила только для того, чтобы купить продукты себе и корм для двух кошек, Матильды и Греты. Кошки были единственными друзьями Федосеевой, им она жаловалась без устали, повторяла:

— Я умру вот-вот, а все остальные останутся жить счастливо. Мне так плохо! Ужасно! Руки-ноги отказывают, желудок болит, кашель мучает...

Потом у Зины начали отказывать ноги — она с трудом поднималась с постели. К ней стала приходить соцработник, очень спокойная улыбчивая Лена.

Зина начала объяснять женщине, как ей плохо, тяжело, ужасно, но та, выслушав речь подопечной, сказала:

— Не сдавайтесь, боритесь, не позволяйте себе думать о смерти. Мой вам совет: ищите другого врача, вероятно, в поликлинике не очень хороший специалист, потребуйте направление в крупный медцентр, обратитесь в разные клиники, не сдавайтесь.

— Я в безвыходном положении, — зарыдала Зина, — в тупике! Я умираю!

В тот день Лена беседовала с Зиной часа два, но больная словно не слышала женщину, она постоянно повторяла:

— Мне плохо, мне хуже всех, мне осталось жить совсем немного.

И всегда, когда Леночка приносила продукты, Зинаида затевала одну и ту же беседу.

Один раз соцработник не сдержалась и резко произнесла:

— Ваше состояние не самое плохое, не нойте, живите. Вон у меня есть один пациент, он пара-

лизованный, но присутствие духа не потерял, работает в Интернете, веселый, у него куча друзей в Сети. Вам вместо того чтобы постоянно жаловаться и сетовать на злую судьбу, надо взбодриться. Вы спокойно по квартире передвигаетесь, займитесь хозяйством, заведите приятелей в социальных сетях, найдете способ заработать в Сети. Хотите, я вам спонсора найду, он компьютер купит, покажет, как им пользоваться. Не сидите дома, выходите на улицу.

— Нет! — вскрикнула Зина. — Я никому не нужна! Ничего мне не надо.

На следующий день после этой беседы Федосеева не сумела встать с постели, у нее отказали ноги, женщина стала звонить Лене, та не отвечала, днем вместо нее пришел посторонний парень и огоршил заявлением.

— Раз вы у нас лежачая, то теперь к вам станут ходить каждый день, не волнуйтесь, вас не бросят.

— Где Лена? — забеспокоилась бывшая бухгалтерша.

— Она в отпуске, — пояснил юноша, — на время отсутствия Казаковой будет замена. Сегодня я о вас позабочусь. Кто завтра прибежит, не знаю.

Две недели к Федосеевой приходили разные люди.

И вот сейчас Зина, лежа в постели, ждала очередного сотрудника, часы тикали, время приближалось к обеду, но у Федосеевой никто не появился.

Зинаида начала сердиться, схватила телефон, чтобы позвонить в госслужбу, но трубка выскользнула из пальцев, упала на пол и, развалившись на части, отлетела в другой конец комнаты. Зина зарыдала, ей хотелось пить, а Матильда и Грета отчаянно мяукали на кухне, им помощники по утрам насыпали корм, но сегодня никто не наполнил миски. И теперь еще телефон разбит и связи с внешним миром нет.

Еще через час Зине самой несказанно захотелось есть, в последнее время Елена с трудом угова-

ривала подопечную проглотить ложечку бульона, Федосееву тошнило даже от запаха пищи, но сейчас умирающая начала думать о бутербродах. Матильда с Гретой продолжали рыдать, теперь они прибежали к хозяйке, прыгали к ней на кровать, терлись головами о руки Лены, потом неслись на кухню, возвращались... К вечеру по квартире пополз отвратительный запах, кошкам следовало поменять наполнитель в лотках.

Около полудня Зина поняла: о ней забыли, соцработник не появится, телефон не работает, все очень плохо, пора умирать. И тут кошки так громко заплакали, что Федосеева вздрогнула и подумала: ну ладно, она готова уйти на тот свет, а что будет с Матильдой и Гретой? Пока кто-нибудь придет к больной, животные от голода отправятся на тот свет.

— Мяу, мяу, мяу, — рыдали кошки, — мяу.

Зинаида ухватилась за привязанный к спинке кровати ремень, села и крикнула:

— Мотя, Грети, уймись!

Кошки вбежали в комнату, взлетели на постель, начали скакать вокруг хозяйки, лезть к ней на колени, потом Матильда, заорав Зине прямо в ухо: «У-у-у», — укусила больную за палец.

Федосеева взвизгнула от боли, резко повернулась, свалилась на пол и зарыдала.

Все! Уходить из жизни придется, лежа на паркете. Некоторое время Зина плакала, потом ей стало холодно, в голову неожиданно прилетела мысль: этак и простудиться можно! Из кухни раздался грохот, звон бьющегося стекла, кошачий визг, а потом потянулась тишина.

— Мотя! — заорала во весь голос Зина. — Грета!

Но киски не примчались в комнату, в квартире было тихо, так тихо, что Зина перепугалась и решила ползти в кухню.

Когда больная, вспотев от усилий, оказалась в нужном месте, она увидела, что пол около плиты усыпан осколками, а испуганные киски сидят на холодильнике.

— Ну вы даете! — обозлилась Зинаида. — Скинули фарфоровые часы, единственную вещь, которая осталась на память от бабушки.

— Мяу, — жалобно пропела Матильда и спрыгнула на пол.

— Стой, — заволновалась хозяйка, — лапы в кровь изрежешь, сейчас уберу руины.

Легко сказать, да непросто сделать. Теперь Зиночке пришлось ползти в туалет, где хранились ведро, веник, тряпка, губка. Поверьте, добраться до всех этих вещей было совсем не просто.

Через два часа еле живая от усталости Зина сумела убрать осколки и выбросить их в помойку. Еще через пятнадцать минут ей удалось подтянуться на трясущихся руках и насыпать кошкам корм из пакета. Матильда и Грета с воплем ринулись к еде. «Неплохо бы и самой перекусить», — вдруг подумала Зинаида и начала аккуратно опускаться на линолеум, чтобы ползти к холодильнику, и вдруг поняла, что опирается на ноги.

— Я стою! — ахнула женщина. — Стою! Паралич прошел!

Уцепившись за стену, больная сумела прошагать до холодильника, вытащила сыр, масло, включила чайник, присела на табуретку и посмотрела на продукты. Невероятно! Она способна управлять нижними конечностями, правда, они слабые, но ведь слушаются хозяйку, не лежат бесполезными бревнами.

Съев аж пять бутербродов и выпив литр чая, Зина оглядела кухню. Бог мой! Какой беспорядок! Во что превратилась ее любимая, недавно еще очень уютная квартира! Повсюду пыль, на плите потеки... Может, соцработники и хорошие люди, но они неряхи, ни разу не протерли клеенку на столе, Зина сейчас прилипла к ней голыми руками.

— Мяу! — завопила из туалета Матильда.

Федосеева оперлась ладонями о стол и неожиданно легко встала.

— Сейчас, Мотя, не злись, поменяю наполнитель. Кажется, на сегодня моя смерть откладывается.